

домства, направленныхъ къ увеличенію числа церковно-приходскихъ школъ въ сѣверо-западномъ краѣ. „Грязные полы — читаемъ мы въ письмѣ „Проѣзжей Бѣлоруски“, — запыленные образа и покровы, загрязненные подсвѣчники, индѣ полуразрушившіяся, грозящія скорымъ паденіемъ печи, покрытые сажею стѣны и потолки, массы паутины—вотъ, въ общихъ чертахъ, картина внѣшности виленскихъ (православныхъ) храмовъ. Есть, конечно, и исключенія, но ихъ не много. Затѣмъ, нестройное пѣніе, чтеніе *на всѣхъ парусахъ*, такъ что и *иже чтеть, не разумѣетъ*; крестное знаменіе, полагаемое священнодѣйствующимъ небрежно—какое-то кощунственное маханіе рукою; ссоры причетниковъ на клиросѣ — все это, разумѣется, также не можетъ способствовать поднятію религіознаго чувства въ молящихся и поддержанію въ нихъ молитвеннаго настроенія“. Водвореніе внѣшняго порядка и благочинія въ богослуженіи—задача несравненно болѣе легкая, чѣмъ правильное устройство и веденіе начальной школы. Но если первая изъ этихъ задачъ остается неисполненною даже въ Вильнѣ, въ центрѣ края, на глазахъ у высшихъ духовныхъ властей, то гдѣ же основанія ожидать успѣшнаго исполненія второй, въ глухихъ бѣлорусскихъ или литовскихъ уѣздахъ, вдали отъ всякаго контроля? Не придется ли здѣсь повторить слова „проѣзжей Бѣлоруски“: „есть, конечно, исключенія, но ихъ немного“?

Наше время, столь богатое самыми разнообразными „неврозами“ и „психозами“, создало или, по крайней мѣрѣ, ожесточило особый видъ мономаніи—мономанію, если можно такъ выразиться, политической подозрительности. Этою болѣзнію страдаютъ у насъ не только отдѣльные лица, но и цѣлые органы печати; зарождаюсь въ передовыхъ статьяхъ, она поражаетъ, мало-по-малу, всѣ другіе отдѣлы газеты, не исключая фельетона, не исключая даже художественной критики. Въ Москвѣ открылась передвижная выставка; какъ и въ Петербургѣ, больше всего обратила на себя вниманіе общества картина Рѣпина: „Не ждали“, о которой мы бесѣдовали недавно съ читателями „Вѣстника Европы“. Больше всего говорить о ней и рецензентъ „Московскихъ Вѣдомостей“—но съ какой точки зрѣнія? Съ точки зрѣнія инквизитора, читающаго между строками, допытывающагося до самыхъ затаенныхъ мыслей автора. Логика, обнаруживаемая при этомъ составителемъ рецензіи, по-истинѣ удивительная. Догадки публики (правильнѣе было бы сказать — *небольшой части публики*, потому что впечатлѣніе, констатируемое рецензентомъ, было далеко не общее) обращаются у него внезапно въ намѣреніе самого художника. Публика, по словамъ рецензента, „видитъ въ картинѣ г. Рѣпина возвращеніе *политическаго ссыльнаго*“.